

КРУГЛЫЙ СТОЛ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В.И. ЛЕНИНА
«ЛЕНИНСКИЙ ФАКТОР ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ 1920-Х ГОДОВ»

Научный семинар «История революций и общественного движения в России» организовал круглый стол, посвященный столетию со дня смерти Владимира Ленина. Участники круглого стола, каждый из которых является экспертом в своей области, представят свои доклады, освещающие различные аспекты влияния Ленина и ленинизма на внутрипартийные процессы 1920-х годов в Советском Союзе. Доклады затрагивают такие темы, как политическое использование образа Ленина в период его болезни, роль Мавзолея как символа в советской политике, многообразие толкований ленинизма во внутрипартийных дискуссиях, а также интерпретации ленинских текстов среди региональных руководителей и рядовых участников оппозиционных групп. Эти исследования предоставляют возможность увидеть формирование значения Ленина как политического символа, которое сохранялось на протяжении существования СССР.

Александр Валерьевич Резник (к.и.н., доцент департамента истории НИУ ВШЭ СПб) **Ленин и Ленинизм в эпоху внутрипартийного Междуцарствия, 1923-1924**

В период болезни Ленина его политический образ стал полноценным инструментом внутрипартийной политической борьбы. Не позднее весны и не позднее осени 1923 года процесс “инструментализации” образа Ленина приобрел зримые очертания: так, празднование 25-летия РКП(б) и его XII съезд сопровождалось лавинообразным потоком риторики, которая к 1924 г. составит базовый репертуар идеологического языка “ленинизма”. К октябрю 1923 г. внутрипартийный кризис привел к открытому противостоянию группировок и тенденций, лидеры которых использовали печать и живое слово в борьбе за общественное мнение. Победа фракции Зиновьева, Каменева и Сталина над разрозненной коалицией оппозиционеров-

“троцкистов” в целом стала очевидной за несколько дней до смерти Ленина. Однако кампания “политического траура” самым эффективным образом связала сакральный образ “ленинизма” с фетишем “единства партии”: так, призывы к “сплочению” звучали в том числе из лагеря “оппозиционеров”. Представители последних, впрочем, как показали дискуссии на XIII съезде (май 1924 г.), обнаружили себя отрезанными от легитимного обращения к “ленинизму”, монопольное распоряжение которым отныне становилось уделом господствующей верхушки. В этот период, стремительные изменения в составе и доминирующем нарративе партии нашли знаменательное выражение в так называемой “литературной дискуссии” ноября-декабря 1924 года, политическому спектаклю всеобщего осуждения “антиленинского” текста Троцкого, который почти никому не был известен.

Вячеслав Николаевич Самоходкин (к.и.н., заведующий музеем «Шалаш В. И. Ленина», СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе») **Мавзолей как символ: становление его образа и наделение его смыслами в 1924–1925 гг.**

Начало 1920-х гг. в Советском Союзе ознаменовалось поисками новых политических символов. После смерти В. И. Ленина одним из таких персонифицированных символов стал сам основатель советского государства, а обострившаяся внутрипартийная борьба привела к сакрализации фигуры Ленина и превращению его личности и деятельности в источник политической легитимности. Похороны лидера большевистской партии и культ, возникший вокруг его фигуры, привели к возникновению вспомогательных символов, одним из которых стал Мавзолей Ленина.

Априорный смысл Мавзолея как символа вечного траура, преломляясь через призму внутрипартийной борьбы, испытывал определенные метаморфозы. Так, в условиях дискуссии о ленинизме и его соотношении с марксизмом происходили попытки использовать усыпальницу для символизации посторонних центральной идее траура политических

ценностей. К числу таковых можно отнести, например, попытку превращения второго деревянного Мавзолея в символ единства партии в условиях бурных дискуссий по этому вопросу, возникших на XIII Съезде РКП(б). В докладе представлена попытка проследить эволюцию образа Мавзолея Ленина как политического символа в 1924-25 гг.

Тимофей Николаевич Раков (к.и.н., доцент Школы исследований окружающей среды и общества ТюмГУ) **Множество «ленинизмов» во внутрипартийных дискуссиях 1925 года**

Ленинградские большевики в 1925 году, в момент, когда они по различным вопросам разошлись с позицией ЦК РКП(б), видели себя истинными продолжателями ленинизма. Как представляется, для них истинность была не просто фигурой речи или попыткой завоевать политическое влияние, а именно вопрос принципиальной последовательности. Ленинградские большевики в своих разнообразных выступлениях и публицистических статьях продвигали свое понимание ленинизма, того, который был критически настроен к установившемуся НЭПу и с подозрением относившемуся к официальной партийной линии на союз с зажиточными элементами деревни. В определенной мере это можно, следуя предложению Л. Лиха назвать «популистским ленинизмом» [Lih 2008]. Для них использование текстов В.И. Ленина, цитирование его работ, было не только ритуальной практикой, обозначающей верность вождю, но и способом выработать свою линию. На основании документов ленинградской партийной организации 1925 года в докладе будет предпринята попытка реконструировать воззрения ряда лидирующих фигур в Ленинграде и понять, единую ли они занимали позицию в отношении НЭПа и каким видели пути его дальнейшего развития. До сих пор в историографии недостаточно проанализированы ленинградские большевики как некоторая группа, и по большей части мы имеем дело с историями, рассматривающими фигуру Г.Е. Зиновьева как главного выразителя их настроений [Black 2008; Black 2019;

Вихров 2011]. Также немаловажным для понимания остается вопрос, насколько «ленинский фактор» выступал в качестве ограничивающего, сковывающего фактора в развитии большевистской политической мысли, а насколько он был продуктивным инструментом для аргументации той или иной позиции во внутрипартийных дискуссиях

Александр Юрьевич Стефаненко (к.и.н., научный сотрудник лаборатории «История блокады Ленинграда» СПбИИ РАН) «Умиравший автор»: трактовки ленинских текстов среди региональных руководителей и рядовых участников оппозиционных групп

Исследователи проделали значительную работу по изучению политической истории 1920-х годов. Вместе с тем, определенный круг вопросов все еще требует подробного рассмотрения. К числу проблем следует отнести сложности в трактовке ленинских текстов среди двух групп. Первая – региональные руководители (председатели райисполкомов и секретари райкомов и первичных партийных организаций), вторая – рядовые сторонники различных оппозиционных группировок внутри РКП(б)-ВКП(б).

В начале 1920-х годов многие решения, принятые с участием В.И. Ленина, интерпретировались не как «ленинские», а как постановления органов власти и управления. Это особенно важно в условиях острого противостояния между партийными и государственными инстанциями. Лишь с течением времени формируется «канон», а входящие в него тексты наделяются конкретным содержанием. Подобная эволюция сопровождается исключением или добавлением соавторов, изменением роли партийных инстанций в принятии тех или иных ленинских решений.

Иначе складывается ситуация среди рядовых членов партии большевиков и беспартийных. В условиях внутрипартийного противостояния у сторонников оппозиционных группировок начинают появляться собственные ленинские тексты. Среди них перепечатки различных работ В.И. Ленина, компиляции, авторские сочинения оппозиционеров. Некоторые

тексты подвергаются настолько сильной обработке, что их считают «апокрифичными» или сфальсифицированными. Все это отражается и на ходе внутрипартийной борьбы 1920-1930-х годов, когда оппозиционеры постепенно теряют сторонников и радикализируются.

В рамках доклада предполагается кратко затронуть сложный процесс эволюции оппозиционных движений, а также проблему преемственности между группировками 1920-х годов и более поздними «инакомыслящими» 1950-1980-х годов (диссидентами и т.п. группами и движениями).